

Символика пространственных образов в сборнике рассказов Димитра Томова «Пути-дороги»

А. В. Леденёв

В статье рассматривается организация художественного пространства в книге рассказов современного болгарского писателя Д. Томова. Реальные маршруты путешествий повествователя и персонажей последовательно переводятся в психологическое и экзистенциальное измерения; актуальные события соотносятся с их историческими «прототипами»; реальная география Болгарии осмысливается в терминах персонального «кода» судьбы.

Ключевые слова: художественное пространство, символ, жанр, стиль, повествователь, пафос, Димитр Томов, проза, рассказ.

Symbolism of Spatial Images in the Collection of Stories by Dimitr Tomov of “Way-Road”

A. V. Ledenyov

The article deals with inner composition of fictional space in the book of short stories by contemporary Bulgarian writer D. Tomov. The real routes taken by the narrator and the characters of the book are consistently transferred into psychological and existential dimensions. The writer correlates actual facts and current events of his native country with their historical “prototypes”, he grasps geography of Bulgaria in terms of his personal “code” of destiny.

Key words: fictional space, symbol, genre, style, narrator, emotional content, Dimitr Tomov, prose, story.

Ключевой символ, определяющий внешнюю композицию и внутреннюю логику книги рассказов современного болгарского прозаика Димитра Томова (род. в 1957 г.), задан заглавием сборника. Как всякий символ, этот образ многозначен и обрастает по мере разворачивания текста все новыми и новыми ответвлениями смысла. Это и перемещения персонажей в пространстве, и путешествия памяти рассказчика в глубины национальной истории, и маршруты современной геополитики, и житейские истории, связанные, например, с поездкой на рынок или с посещением школы.

Однако символические мерцания заглавного образа инспирированы прежде всего движением авторских эмоций – от легкокрылой радости встреч с многоцветьем людской талантливости до пронзительной печали расставаний с тем, что дорого, но, увы, не вечно. Все эти всполохи чувств оркеструют главную этическую мелодию книги – мелодию соучастия и сострадания. Эпизодические наплывы публицистического сарказма (обращенного, как правило, в адрес политиков прошлого и настоящего) и лирической иронии (подсвечивающей разговор о симпатичных автору людях) не заглушают этой постепенно крепнущей ноты сопереживания.

Речь идет о радостях и скорбях болгарских соплеменников автора, к каким бы поколениям и этнокультурным типам они ни принадлежали: кругу софийских интеллектуалов конца XX века или когорте повстанцев-четников периода борьбы с османскими завоевателями, племени цыган-ромов или обитателям современной болгарской глубинки. В этом отношении Димитр Томов тра-

диционалист: классическая ясность нравственных ориентиров – одна из замечательных особенностей этой книги. Однако ее жанровую окраску никак не назовешь традиционной. Она, эта книга, могла бы отлиться в форму романа, да по существу и является своего рода «стилевым путешествием» к этому жанру, воскрешая в памяти лирическую формулировку одного из лучших романистов русской эмиграции Гайто Газданова: «Роман – это движение чувств».

Хотя в формальном отношении проза Димитра Томова, собранная в книге, являет собой своего рода вязанку новеллистических циклов, и хотя рассказчик периодически примеряет разные повествовательные маски (он то внук цыгана деда Инко, то столичный историк Апостол Апостолов, то занимает скромную позицию анонимного наблюдателя), в ней есть неразложимое нравственно-психологическое ядро, образуемое постепенно проступающей в тексте личностью автора.

Избегая нарочитых сюжетных обострений и панибратских заигрываний с читателем, Димитр Томов не стремится создать имидж писателя-забавника «для всех» или, напротив, скептика-интеллектуала «для немногих». Его позиция – позиция ненавязчивого собеседника с близкими ему людьми, человека, едва ли не стесняющегося своей принадлежности к писательскому сообществу с его «нобелевскими» амбициями и «ревнительной» завистью к репутациям предшественников и тем более современников. Кажется, высшей (пусть и отдающей легкой самоиронией) оценкой своего дела автор считает мнение старейшины цыганско-

го табора Инко: «Этот парень, внук деда Томы, все правильно описал...» [1, с. 27].

Разумеется, внешнее жизнеподобие и фактологическая «правильность» – далеко не бесспорные критерии художественной убедительности. «Правда» Димитра Томова скорее лирической, чем эпической природы, она неотделима от персонального взгляда писателя на историю и современность его народа – народа, сыгравшего столь заметную роль в развитии славянской письменности, но, по горькой оценке автора, все еще не переболевшего «заразой национальной безлитературщины» [1, с. 90]. Устами легендарного борца Дано Колова автор пытается обозначить одну из главных болевых точек национальной ментальности: «Человек рождается один и умирает один. Трудность в том, как не быть одному в отрезке времени между началом и концом пути. А у нас весь народ – одинокий. И все наши несчастья оттого, что мы – одинокий народ из одиноких людей» [1, с. 97].

«Одинокий народ» – образ логически противоречивый, оксюморонный, но в нем есть та «неудобная» личностная правда, дефицит которой одинаково ощутим в былой социалистической риторике и нынешней «политкорректной» юридической казуистике «еврокомиссаров». «Путь в Европу» для народов Балкан в книге Томова не случайно оттенен серией иносказательных сюжетных миниатюр. В рассказе «Путь к Бриджит Бардо» отправленная в «приют для медведей на пенсии» медведица, прежде плясавшая на ярмарках «на потеху публике», предпочитает гарантированной кормежке в комфортабельном загоне побег к своему прежнему хозяину. В другой полной скрытого лукавства «жизнеподобной притче» рассказано о переселении одного из отпрысков деда Инко (тоже носящего имя Инко) в Америку, где он благодаря своему имени становится «вождем» индейской резервации.

Вообще говоря, проза Димитра Томова – при всей ее внутренней серьезности – рассчитана на тех, кто обладает чувством языка и доверяет языковой «материи» не меньше, чем эфемерным свидетельствам конкретных жизненных обстоятельств. Сюжетная кульминация новеллы «Дорога через Балканы» образована неожиданным и пугающим открытием европейских туристов: увеселительный поход на природу с включенным в программу маскарадным «похищением» оборачивается похищением взаправдашним – с реальными, а не костюмированными бандитами и настоящим ограблением.

Однако подлинная «лирическая» пуанта новеллы – лингвистической природы. Реагируя на наивные восторги европейцев, повторяющих друг за другом английское название Балкан («Болканз», с ударением на первом слоге), гид-переводчик вдруг осознает, что слышит знакомое с детства болгарское «болка» («боль») – только получившее благодаря английскому «грамматическому сдвигу» многоликость и общечеловеческую масштабность. Так двуязычный каламбур проявляет не только авторское отношение к современным событиям, но и его видение исторической судьбы балканских народов.

Это видение исполнено драматизма, но все же лишено однотонной мрачности и обреченности на отчаяние. Противовесом чувствам потерянности и боли становится для автора прежде всего память о «сотрясениях любви»: в одноименной новелле связывающая двух людей страсть пусть на мгновение, но перекрывает своей силой тектонические движения земной коры, так что самописцы сейсмографа, фиксирующие «содрогания огромного земного шара», не выдерживают «вибраций любви» и выходят из строя.

Димитру Томову вообще присуще умение соотносить крупный план с общим, движения человеческой души – с «контурными картами» земного пространства. Сама география Болгарии становится в его прозе образным шифром для выражения устремлений духа, а геологический профиль родной земли с ее контрастами горных вершин и пропастей будто отпечатывается в психологическом «рельефе» человека.

Вкус автора к экспрессивным психологическим антитезам особенно заметно проявляется в двух трагических по звучанию рассказах последнего цикла книги, в которых русскоязычный читатель, возможно, услышит тематические и образные переключки с прозой Л. Андреева. Речь в этих рассказах идет об экзистенциальной цене предательства, о «перевертышах» добра и зла, неслучайно центральными фигурами эпических композиций оказываются «вечные» образы сына, отца и матери. Присущее автору богатство речевых модуляций здесь сознательно отменяется: речь анонимного повествователя сдержанна и аскетична, сам повествовательный поток будто управляется стремлением к затуханию звука, чтобы на последней странице книги – в скорбной тишине – прозвучали последние слова матери-плакальщицы.

На другом стилевом полюсе прозы Димитра Томова – речевое балагурство рассказчика первого

цикла книги «Табор в бесконечном пути». Здесь остроактуальная проблематика, связанная с судьбоносным для Болгарии вхождением в состав Евросоюза, осмысливается с позиций самого неукорененного в социально-политическом пространстве вселенной этноса, а потому на первый план выходят не скучные политико-юридические и экономические подробности, а вечно живой карнавал человеческих амбиций и тревог. Именно в этом цикле автор дает волю своей художественной фантазии, насыщая событийную основу рассказов «кривыми зеркалами» слухов и преданий, пересудов и догадок. Неискоренимые свойства цыганской души в столкновении с конъюнктурными требованиями европейских «циркуляров» вызывают к жизни поток забавных происшествий: реальность будто отказывается двигаться по умозрительным прямым дорогам, а пространство абсурдно искривляется.

Как бы ни менялась политическая карта Европы, показывает автор, душа человека радостно обречена руководствоваться не светофорами европейских автобанов, а неотменяемым «расписанием» небесных светил – этих зримых «гарантов» того, что ночь есть ночь, а день есть день. Так или иначе, написанная в эпоху глобальной социально-исторической перекройки мира, проза

Томова обращена все-таки к «путям небесным», хотя его персонажи – наши современники – неутомимо путешествуют по земным маршрутам. Вряд ли случайно портреты самых близких автору людей спроецированы не на современный городской пейзаж, а на картину звездной ночи или на торжественное зрелище игры света и тьмы. Вот лаконичная портретная зарисовка деда Тома: «В его зрачках закатывалось вечернее солнце, оно уменьшилось до двух капель росы, и они будто мерцали в глубине дедовых глаз, утонувших в орбитах старости, как в колодце» [1, с. 21].

Возвращаясь к заглавию книги Димитра Томова, стоит отметить, что оригинальное болгарское его звучание – «Пътища» – означает собирательное множество всех дорог. В русском языке нет абсолютного смыслового аналога этого слова, но читатель, несомненно, почувствует, как и почему ветвящееся множество историй Томова сходятся в перекрестье единого слова-символа.

Библиографический список

1. Томов, Димитр. Пути-дороги [Текст] : рассказы / Д. Томов; пер. с болгарского Н. Нанкиновой и Т. Митевой. – София, 2007.